

ПОГРАНИЧЬЕ

СЕРГЕЙ СЛЮСАРЕНКО

СИНТЕЗ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
С49

Серия «Пограничье»
Художник *А. Черный*
Автор идеи *С. Лукьяненко*

Слюсаренко, Сергей.

С49 Синтез : [фантастический роман] / Сергей Слюсаренко. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Пограничье).

ISBN 978-5-17-088520-6

Если искренне о чем-то мечтать, то мечта обязательно сбудется. Так сбылась мечта Олега Шергина о контакте с внеземной цивилизацией. В результате цепочки невероятных событий он попадает в Центрум и становится аспирантом одного из самых уважаемых университетов Лореи. Но безоблачные дни продлились недолго — из глубин космоса к Центруму подступает тень смертельной угрозы...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-088520-6

© С. Лукьяненко, 2013
© С. Слюсаренко, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Пролог

Канцлер Нижних Отрогов и Верхних Топей благородный рыцарь Салар к вечеру загнал трех лошадей. Четвертой пробила горло стрела с тяжелым базальтовым наконечником. Варвары, обнаглевшие в Рыжей долине, думали, что вдесятером они одолеют одинокого всадника. Он даже не упал, только пробежал по инерции несколько шагов, оставив на дороге лошадь, хрипящую горячей кровью. Салар брезговал драться с варварами. Сопящие потные дикари, вооруженные дубинами, в грязных шкурах и с нечесаными лохмами под тотемными птичьими черепами на головах, переминались с ноги на ногу, не решаясь напасть. Они боялись рыцаря как огня, робко обступали его полукругом, выжидая мгновения, чтобы навалиться толпой и забить до смерти. Им было плевать на человеческую жизнь, им нужна была драгоценная цепь из унунквадия, тускло мерцавшая на шее Салара. Но рыцарь спешил.

С легким свистом рассекаемого воздуха длинный узкий клинок Салара описал полукруг и остановился у горла жоака.

— Уйдите или умрете, — прошипел канцлер на варварском наречии.

Жоак, думая, что тяжелой дубиной он сможет опередить меч, дернулся и тотчас рухнул на колени, заливая траву кровью из перерубленного горла. Салар завертелся в смертоносном пируэте, кромсая врагов.

Потом, бросив беглый взгляд на жалкие останки, пошел в заросли, где топтались низкорослые кобылки вар-

варов. Неухоженные, с примитивной сбруей, бесполезные в ближнем бою. Но как-то нужно было добраться до ближайших перекладных.

В таверне Салар остановился на несколько минут — перехватить кружку красного, чтобы утолить жажду, и подождать, пока из конюшни выведут свежего взнузданного коня.

— Господин канцлер, — не поднимая головы, в почтительном поклоне обратился корчмарь к Салару. — Конь готов, вам дать с собой провиант?

— Спасибо, мне не до провианта. — Салар стремительно вышел из темной таверны и, вскочив в седло, продолжил свою бешеную скачку.

Совет канцлеров собрался на священной поляне у входа в храм в самом центре Цада. Туда и спешил Салар, надеясь предотвратить неизбежное.

— Господа, все ли готовы исполнить свой долг и клятву, данную вашими предками высшим? — говорил тихим утробным голосом верховный канцлер Таутен, скрывая под глубоким капюшоном свое лицо, обезображенное варварской палицей. — Если кто-то не готов или кто-то предал тайну, пусть он скажет об этом сейчас. Признание прощает.

— Я не предавал тайны, я верен клятве, но у меня есть возражения. — Вперед из круга избранных вышел Салар.

— Выскажи братьям свои возражения, — кивнул верховный канцлер.

— Высшие оставили нам наследие, но оно может разрушить наш мир. Никто не может доказать добрые намерения высших.

— Высшие оставили нам наследие и сделали так, чтобы мы смогли использовать его, только когда будем едины, — это ли не доказательство благородных намерений высших? — бесцветным, без тени эмоций голосом проговорил Таутен. — Они оставили нам ключи к мирам.

— Кто знает, что ждет нас в тех мирах? Новые орды варваров или дикие звери, несущие смерть всему живому

на нашей земле? Или болезни и саранча? — не сдавался Салар. — Зачем открывать чужой мир, когда и в нашем есть много земель, которые можно освоить. Кто сказал, что мы объединены, кто сказал, что мы сильны настолько, что можем использовать наследие?

— Милый наш друг Салар, нам приятно твое радение за благополучие нашей родины. Но ты, в силу занятости службой на границе Пустоши, не можешь знать истинного положения дел. Это не упрек тебе, — сказал верховный канцлер и сел на свой каменный трон в центре священного круга. — Спасибо богам, мы знаем истину.

— Разрешите пояснить уважаемому Салару? — поднялся со своего места канцлер-хранитель.

Таутен устало кивнул.

— Кольцо Пустоши сжимается вокруг континуумов. Урожая, который собирают крестьяне с наших феофов, уже недостаточно, чтобы дожить до следующего. Земля обеднела. Варвары истребили все стада, и теперь Пустошь и вправду пуста. Чтобы выжить, нам нужны новые земли. Богатые и свободные. Это нам дали высшие много веков назад. Они нам дали ключи. — Канцлер-хранитель сел на свое место.

— Я верю вам, братья, наш мир летит в пропасть. Но поможет ли нам наследие? — Салар все еще надеялся посеять сомнение. — Никогда еще то, что дается без труда, не приносило пользы людям. Надо бороться за свой мир, а не ждать благ от другого.

— Дорогой Салар, вспомни писание. — Верховный канцлер взял лежащий рядом с ним том и раскрыл святое писание Эна.

«В день, когда зарыдает сушь, в день, когда с земель уйдут звери, и в ночь, когда люди не сомкнут глаз, звезды в небе сойдутся в танце. Звезда Цэх упадет в леса, и звезда Инос возгорится в ночи. А потом придет звезда Тьма.

И сделай ковчег из дерева тим; длина его два тура с половиною, ширина его полтора тура и высота его полтора. Покрой его чистым унунквадием внутри и снаружи

и сделай вокруг него кольцо из унунквадия. Возьми для него четыре кольца унунквадиевых, на четырех нижних углах его: два кольца на одной стороне его и два кольца на другой стороне его.

И сделай шести из дерева тим, и обложи их унунквадием, и вложи шести в кольца, по сторонам ковчега. И сделай крышку из унунквадия: длина ее два тура с половиною, а ширина полтора тура.

И сделай две рафы многоострые чеканной работы, сделай их на обоих концах крышки, одну рафу с одного конца, а другую рафу с другого конца, стоящими на крышке; сделай рафы с обоих концов ее; и будут рафы с распростертыми вверх остриями и покроют остриями своими крышку.

И сделай двенадцать столов из дерева тим длиною в два тура, шириною в тур и вышиною в полтора тура, и обложи его унунквадием, и положи на столы ключи в своих фузах из унунквадия.

И возьми стержни медные и соедини с кольцами и на каждую фузу надень спираль из меди и соедини ее с медными стержнями. Дай водному газу войти в фузы и жди огня ковчегowego. И да уйдет писание в открывшиеся миры».

— Так написано в святом писании Эна, великого из высших, — закончил верховный канцлер. — И не говори, что ты не помнишь. Посмотри на небо и не лги самому себе. Звезды Тьма и Инос в небе, вчера упала звезда Цэх. Это видели и в Пустошах, и в Клондале, и как нам в Цаде не видеть этого? Мы сделали ковчег, и для завершения святого действия нам нужны святыни, которые хранишь ты. Не противься очевидному.

Салар покорно склонил голову, снял с шеи цепь и достал из переметной сумы тускло отсвечивающую в огне факелов сферу.

— Я готов, великий канцлер. Я верю в твои слова, хотя знания отвергают меня. Но я выполняю долг.

— Я не вижу повода не начать церемонию. — Голос верховного канцлера окреп. — Следуйте за мной!

Таутен поднялся и, тяжело опираясь на высокий посох, двинулся к храму, у входа в который заседал совет.

Внутри под громадным сводом все было готово. Канцлеры один за другим положили свои фузы, каждый на свой стол, и разделили их. Верховный канцлер вложил в фузы зеленые камни ключей и лично соединил половинки. Служки храма к каждой фузе присоединили трубки, которые тянулись от стального резервуара. Явственно раздалось шипение водного газа. На фузы надели спирали из толстой позеленевшей меди и соединили спирали со стержнями на ковчеге.

Таутен, приняв из рук служек рафы, похожие на ажурные половинки сферы, установил их по краям ковчеге. Потом на крышку ковчеге он положил святое писание и отошел к своим собратьям-канцлерам.

Казалось, ничто, кроме дыхания людей, не нарушало спокойствия в храме. Но вот фузы начали дрожать и засветились. Сначала красным, потом белым и в конце голубым свечением. Яркость достигла такой силы, что весь храм растворился в безумном голубом свете. Чудовищный, невиданный взрыв разорвал и капище, и небо над ним. От того места, где только что стоял величественный храм всеравных богов, в небо устремилось одиннадцать сверкающих лучей. Они сначала танцевали в безумной пляске, а потом разлетелись над землей в разные стороны. Словно в последней судороге над миром вырос красный шар и опустился на разрушенный Цад.

Прошло три тысячи лет.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

АСПИРАНТ С ЗЕМЛИ

Узкая тропинка, припорошенная снегом, вилась меж замшелых глыб вниз, в долину. Поднявшийся из долины туман укрыл темные стены Депозитария, устроившегося на вершине горы, скрыл кривые улицы, превратив их в таинственные и призрачные лабиринты. А потом сверху налетел южный ветер и всю ночь норовил раскидать черепицу над профессорской кельей. Звонкая клондальская терракота печально перестукивалась под ударами шквалов. С вечера Лано Батрид, профессор прикладной истории Лорейского университета и хранитель Депозитария, развел огонь в очаге и, когда прогорели дрова, набрал углей в большую медную сковородку-кальдано с дырчатой крышкой. Он согрел свою постель, хоть и не любил теплых простыней, а потом отнес и положил грелку под одеяло пустой узкой койки в небольшой комнатке, примыкающей к гостиной. На всякий случай. Когда пришел служка со скромным университетским ужином, Батрид подробно проинструктировал его о завтраке и даже предупредил, что сам готов заплатить за дополнительные блюда. Сон не приходил, Батрид долго ворочался, пытаясь отогнать ненужные мысли, но в конце концов уснул.

Пастухам, перегоняющим по утрам отары в долину, строго-настрого запрещалось проходить мимо Депозитария. Блеяние животных, вопли перегонщиков и лай собак в такой ранний час мешали нормальному распорядку дня научных сотрудников. Но сегодня Батрида разбудили не крики пьянчужки Чиммарозо, плюющего на правила, и не шарканье овечьих копытистых лап по брусчат-

ке. К тому времени, как отара топталась на городском газоне, разгребая его до корней, профессор уже давно не спал и лежал в постели с открытыми глазами. Наконец он поднялся, внешне храня спокойствие и, не изменяя традиции, сам сварил себе крепкий кофе задолго до того, как принесли завтрак. А потом еще два раза подмел пол. Сегодня приедет его первый аспирант. Так было написано в письме, которое пришло вчера. В нем говорилось, что по согласованию с Ректоратом профессору Батриду предлагается осуществить научное руководство исследованиями молодого ученого из мира Земли. Лано даже не стал вдаваться в подробности — от кого письмо и кто его направил. Академические традиции не допускают сомнений в официальных документах. Аспирант — дело почетное и важное. В возрасте Батрида, при его чинах и регалиях, надо было иметь уже десятки учеников, славу педагога и глубокие связи во всех континуумах. Но у Лано этот аспирант был первым. И потому это его волновало и радовало одновременно.

Утром к нему должен прибыть молодой человек, который, как сказано в документе, «имеет целью продолжить научные исследования по теме «Корреляция товарных потоков и политических течений в многообразии внешних связей Центрума». Еще больше профессора волновал не сам факт, что наконец у него появится аспирант, а то, что это будет человек из иной реальности, гость из другого мира. До сих пор за много лет службы Лано встречался с переходящими только в официальной обстановке, а проще говоря, на допросе, когда суровые лорейские инспекторы выясняли, зачем и с какой целью контрабандист доставил данный предмет в Центрум. Теперь у Батрида будет ученик, ученик с Земли. И еще профессор надеялся, что впервые ему будет с кем поговорить вечером, устроившись возле очага с бокалом синего аламейского.

Пришел служка, туповатый, вечно шмыгающий носом мальчик из приуниверситетской деревни, принес роскошный завтрак на двоих. Рогаики с кремом, све-

жий домашний творог, к нему конфитюр, ароматные десертные семечки. Все это Батрид лично расставил на столе и накрыл чистой льняной салфеткой с вышивкой работы цадских монахинь. Но аспиранта не было. К завтраку Лано не притронулся и, подождав еще полчаса, накинул теплую меховую куртку и вышел из кельи. Кельи университетских сотрудников располагались с внутренней стороны городской стены. Она осталась с тех времен, когда Лорея еще не была континуумом и непрерывно воевала с ордами кочевников, налетавших из Пустоши. Сейчас стена за ненадобностью из фортификационного сооружения превратилась в архитектурную достопримечательность. Старые лестницы вели к зубчатым бойницам, но проход вдоль бойниц уже давно стал местом для прогулок.

Лано просто так, для моциона, поднялся по выщербленным ступенькам и осмотрелся. Низко летящие облака, казалось, еще немножко — и начнут хлестать ледяным туманом в лицо, тупые овцы Чиммарозо ковыряли муниципальную травку под крепостной стеной. Над сонным городком тянулся запах печного дыма и теплого хлеба. Профессор старался не смотреть на дорогу, ведущую из долины, но все-таки время от времени бросал на пустынный тракт мимолетный взгляд. Конечно, аспирант мог приехать верхом на коне, если на Земле владели искусством верховой езды, но было бы очень здорово, если бы он приехал на транспортном средстве, о котором так много слышал Батрид. На моторино. Лано знал, что на Земле есть компактные и дешевые повозки с двигателями внутреннего сгорания. И первое время, пока не разрушится запас горючего, можно было бы изучить, как они работают. А возможно, и решить проблему его хранения. Эти и другие совершенно неуместные мысли роились в голове профессора. Он устал ждать.

— Господин смотритель! — раздался голос внешнего стража. — К вам пришли.

— Кто пришел?

— Не знаю... вас ищет... — Свободный от вахты заспанный стражник без ритуального меча выглядел совсем не воинственно.

— А где он? Что же вы меня сразу не позвали?

— Да вот, зову, — буркнул сонный охранник. — У вашей кельи. Одет не по-нашему.

Лано помянул неакадемическое слово и, цепляя за шербатые камни теплыми шлепанцами, поспешил к своему жилищу.

Возле входа в келью стоял высокий молодой человек. У его ног лежал простой вещмешок, который показался Батриду не соответствующим статусу научного сотрудника. Гость был одет в короткую светлую куртку, под которой виднелся толстый свитер с высоким воротником. Из-под синих, потертых на коленях брюк торчали носки странных пестрых туфель. Совсем непривычный для здешних мест щегольской наряд.

— Здравствуйте, молодой человек, вы ко мне? — с деланным равнодушием спросил Батрид, теребя декоративный шнурок на своей куртке.

— Я Олег Шергин, планета Земля. — Молодой человек закашлялся — то ли от холодного горного воздуха, то ли от волнения. — Я приехал к вам, профессор. Вас должны были предупредить.

— А! Точно, как я мог забыть! — Лано театрально хлопнул себя ладонью по лбу. — Ну что же, давайте зайдем ко мне, раз уж вы приехали. Вы опоздали.

— Мне не указывалось... кхэ-кхэ... точное время прибытия, — осторожно возразил Шергин.

— Могли бы сами поинтересоваться, когда вас будут ждать. Привыкайте сразу к собранности, в научной работе без нее нельзя.

Профессор, цапнув ключом вокруг замочной скважины, отпер дверь и пропустил Шергина вперед.

— Видимо, на Земле живет очень здоровая раса, — Лано жестом предложил оставить вещмешок в прихожей, —

если у вас молодые аспиранты такого роста и с такими плечами. Compliments вашему миру.

— Да что вы, — сквозь бронзу загара на лице Олега проступил румянец, — просто я в молодости спортом увлекался, баскетболом.

— Молодой человек, увлечение баскетболом не приводит к увлечению наукой! Тем более я не в курсе, что это за вид спорта. Все зависит от здорового образа жизни, — назидательно сообщил Лано.

Батрид повесил свою теплую куртку на крючок и накинул на себя темно-коричневый балахон из грубой шерсти, подпоясавшись пестрым шелковым шнурком. Из прихожей он провел Шергина в гостиную. Гостиная была одновременно столовой с небольшим кухонным уголком и очагом.

— У вас практически нет акцента, это не характерно для переходящих, — внезапно сменил тему профессор. — Как вам это удается?

— Я готовился к аспирантуре и учил язык еще дома.

— Похвально, похвально. Никогда бы не подумал, что на Земле уже есть учебники лорейского.

— Нет, я случайно книгу нашел, — неожиданно стал оправдываться аспирант.

Он вышел в прихожую и через мгновение вернулся с толстой книгой в руках.

— Вот, я случайно эту книгу там, у нас, купи... э... нашел. — Шергин протянул том Батриду. — По ней и учился.

— Юбилейное издание по случаю годовщины основания университета Лореи, — прищурившись, прочел Батрид название на обложке. — Уникальное издание, никогда такого не видел.

— Да, очень интересная, масса иллюстраций. В общем-то благодаря этой книге родилась идея поступить к вам в аспирантуру.

— Да что же вы стоите, давайте завтракать! Рогалики еще теплые, а кофе я приготовлю быстро, — спохватился Батрид и легким движением сорвал салфетку, скрывав-

шую сервированный завтрак. — Вы пока можете вымыть руки.

Он показал на умывальник в кухонном углу.

— Ну, рассказывайте. — Лано стал колдовать над кофе. — Как добрались?

— Да без особых приключений, но, конечно, к вам подняться на гору было нелегко. Ноги просто гудят, — ответил Шергин.

— Вы пешком? — Профессор удивленно глянул на своего аспиранта.

— Ну, вы же сами заметили, что у меня спортивная подготовка. Пройти всю дорогу пешком в ваш храм науки...

— Вы излишне патетичны, — сдержанно улыбнулся Батрид и круговыми движениями погрузил джезву в горячий песок в очаге.

Шергин, наблюдая за священнодействием, широким жестом откинул прядь волос, все время сползавшую на лоб.

— Ну что вы, профессор! Я просто люблю ходить пешком. У меня была уйма времени, вот я... И время перехода пришлось выбирать не мне.

— Так взяли бы коня, в любой таверне в долине можно взять лошадь до Депозитария. — Лано хитро глянул на Олега. — Или вы не обучены верховой езде? А, понял! Эта странная обувь у вас специально предназначена только для ходьбы?

— Обувь да... На Земле это называется krossovki. Очень удобная. Не могу сказать, что я жокей, но с коня не упаду. Просто я не умею ездить на лошади с такими странными копытами. Не привык, господин профессор. — Олег не выдержал и протянул руку к пахнущему ванилью рогалику.

— Угощайтесь, угощайтесь, — поддержал его Батрид. — И что я хочу сказать... У нас есть старая академическая традиция. Мы называем друг друга по именам. Так что, если вы позволите, я буду называть вас Олег, а вы меня Лано. Договорились?